П Р А В О

УДК 342.1
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-1

А. Д. Гуляков

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы российского федерализма многогранны и характерны не только для современности, но и для этапа его становления. Россия пережила и продолжает переживать неоднократные изменения содержания своей федеративной модели, в силу чего российский федерализм представляет собой важный и интересный объект для комплексного сравнительно-правового анализа. Цель работы – проанализировать возникновение и основные направления реформирования модели российского федерализма.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе всестороннего анализа законодательных актов, в которых закреплены основы российской модели федерализма. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и формально-юридического анализа.

Результаты. Исследованы этапы становления российской модели федерализма с определением проблем его построения на каждом из них. Автор полагает, что практическое функционирование российской модели федерализма немыслимо без установления эффективного взаимодействия центра и регионов, обеспечения целесообразных в данных условиях методов управления.

Выводы. Сохранение целостности государства, единства населения – основополагающая задача, решение которой возможно только при построении модели федерализма, которая будет не только отвечать современным реалиям, но и иметь прочную историческую основу. Перспективным направлением реформирования российской государственности на современном этапе является построение модели реального федерализма, отвечающего историческим традициям и современному состоянию страны.

Ключевые слова: федерализм, генезис федерализма, модель федерализма, федеративные отношения.

A. D. Gulyakov

THE GENESIS OF THE RUSSIAN MODEL OF FEDERALISM

Abstract.

Background. Problems of the Russian federalism are multi-faceted and typical of not only of modern times, but also of the stage of its formation. Russia has experienced and continues to experience repeated changes in its federative model, which is why the Russian federalism is an important and interesting object for comprehensive comparative legal analysis. The aim of this work is to analyze the emergence and main directions of reforming the Russian model of federalism.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of a comprehensive analysis of the legislative acts that set the foundations of the Rus-

sian model of federalism. The methodological potential included methods of comparative legal and formal legal analysis.

Results. The author has studied the stages of formation of the Russian model of federalism defining formation problems at each stage. The author believes that the practical functioning of the Russian model of federalism is impossible without effective cooperation between the centre and regions, ensuring appropriate management methods for the present conditions.

Conclusions. Preservation of the state integrity, unity of population is a fundamental task, which is only possible utilizing a model of federalism that will not only meet the modern realities, but will also have a solid historical basis. A promising direction of reforming the Russian state at the present stage is to build models of real federalism corresponding to historical traditions and the current state of the country.

Key words: federalism, genesis of federalism, federalism model, federal relations.

В отличие от нашего великого восточного соседа – Китая, который на протяжении длительного периода времени оставался, да и ныне остается относительно этнически однородным, Российская империя, провозглашенная Петром I в 1721 г., оказалась многонациональным, сложносоставным государством. Правда, к концу XIX в. **из более чем 125 млн населения почти 84 млн человек представляли русскую группу языков** (в том числе более 55 млн являлись великорусами), т.е. 67 и 44 % соответственно. Эта ситуация в корне отличалась от «лоскутной» Австро-Венгерской монархии, где отсутствовал какой-либо объединяющий различные этносы стержень.

Территориальная структура Российской империи также содействовала ее монолитности. **Европейская Россия** – родина стержнеобразующей русской нации – была самым крупным звеном (4250 тыс. кв. верст), уступая по площади только слабозаселенной **Сибири** (10 996 тыс. кв. верст). «Национальные окраины» – Польша, Финляндия, Кавказ – ни в какое сравнение идти не могли.

И тем не менее, **несмотря на наличие мощного территориального и этнического стержня, о необходимости введения в той или иной степени территориальной автономии царские власти стали задумываться с начала XIX в**.

Известно, что по поручению императора Александра I в 1818–1820 гг. Н. Н. Новосильцев работал над Государственной уставной грамотой, в которой предусматривалось выделение в составе государства нескольких наместничеств со своими органами народного представительства и достаточно автономными наместниками и советами при них для решения местных хозяйственных вопросов [1, 2]. Однако проект не был реализован, равно как и предложение «царского приятеля», польского магната А. Чарторыйского, о возведении на трон Польши великого князя Михаила Павловича и о подчинении польских территорий России на основе семейного пакта. Судя по всему, у Александра I не было доверия к польской элите, и этот подход оказался оправданным, как показали дальнейшие события.

Царству Польскому, конституированному Венским конгрессом 1815 г. после разгрома Наполеона в составе Российской империи, была предоставлена конституция, здесь сохранялась собственная казна и войско. Высшим органом самоуправления считался избираемый населением сейм. Однако в сре-

де мелкопоместного дворянства (шляхты) и аристократии традиционно были сильны антирусские настроения – наследие агрессивных иллюзий Речи Посполитой XVII в. Националисты, создавшие тайные организации, «мечтали не только о независимости, но и создании Великой Польши от моря до моря (от Балтийского до Черного), которой никогда раньше не существовало. Подобная нелегальная антирусская деятельность поощрялась Католической церковью» [3, с. 1013].

Бунт польской шляхты и магнатов, частично поддержанный разночинцами, разразился в царствование Николая I в 1830–1831 гг. и закончился большой кровью. Практически вся польская армия перешла на сторону мятежников, нарушив присягу, и императору пришлось выставить крупные военные силы более чем в 100 тыс. человек. Польские «патриоты» вели военные действия с беспримерной жестокостью, а русофобская английская и французская печать изображала российскую армию «сборищем дикарей» [3, с. 1–14].

Естественно, что после успокоения польских территорий последовали репрессии. Конституция была упразднена, ликвидировано польское войско и финансовая самостоятельность. В то же время сохранены местные законы и польский язык в судопроизводстве.

Кроме польского вопроса, известную проблему в 1830–1850-е гг. представляло покорение горных районов Кавказа. Под контролем радикального имама Шамиля находилось около 400 тыс. горцев, и война с ним завершилась только в 1859 г.

Не без влияния упомянутых острых внутренних проблем император Николай I «полностью отказался от идеи эволюционного федерализма, но в то же время не решился на последовательную централизацию» [4, с. 83].

Царские власти признавали особые условия управления национальными окраинами, создавая для этого в центре особые высшие комитеты, например Комитет по делам Царства Польского (1831–1841) и Комитет западных губерний (1831–1838), действовавший под разными названиями: Кавказский комитет (1840–1882), Сибирский комитет (1821–1838 и 1852–1864).

Особое администрирование осуществлялось и на местах путем учреждения наместничеств и генерал-губернаторств. Гибкой была система надзора за населением, учитывающая национальные особенности, и на самом низовом уровне [5, с. 187–190].

При императоре Александре II, имевшем репутацию либерала, Россия столкнулась с новым, еще более активным проявлением польского сепаратизма.

В польском восстании 1863–1864 гг. шире был представлен разночинный элемент, но все же доминировала мелкопоместная шляхта (около 50 % участников в Литве и Беларуси и 75 % на Украине). Практически все восставшие были католиками [6].

Император Александр II более жестко отреагировал на события 1863–1864 гг., чем его предшественник. Царство Польское было разделено на десять губерний во главе с военными губернаторами.

«Угроза целостности государства объединила под лозунгом “единой и неделимой” империи тех, кто считался либералом. Герценовский “Колокол”, выступивший на стороне поляков, потерял почти всех своих читателей в Рос-

сии, и даже Л. Н. Толстой собирался идти воевать добровольцем против поляков. Этот подъем национализма вызывался не только сообщениями о зверствах восставших по отношению к православному населению, но в не меньшей степени и политикой западных держав, стремившихся придать конфликту международный характер» [3, с. 1107].

Правда, в 1870-е гг. в России становятся популярными идеи панславизма – единения славянских народов под главенством России. Один из родоначальников этой концепции – поэт и дипломат **Ф. И. Тютчев** – еще в 1840-е гг. писал о несостоятельности Австро-Венгрии как государства и о необходимости включения балканских земель в состав России. В 1853–1856 гг. **М. П. Погодин** в своих «Политических письмах» предлагал предоставить автономию Польше и заключить союз с Францией против Австро-Венгрии. В 1860-е гг. высказываются мнения о русском языке как общеславянском средстве коммуникации, о консолидирующей роли православия и об объединении всех славянских движений под эгидой России. Однако в наиболее законченном виде панславизм представил **Н. Я. Данилевский** в своем знаменитом сочинении «Россия и Европа». «Данилевский мечтал о создании Славянской федерации от “Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага”, охватывающей 125 млн человек… Создание Славянской федерации должно было, по мнению Данилевского, осуществиться в результате русско-европейской войны, направленной на освобождение славянства… Будущее устройство мира виделось ему в разделении сфер влияния между Европой, Славянской федерацией и Северной Америкой» [7, с. 13].

Что же касается идей федерализации уже принадлежавших Российской империи территорий, то здесь предложения высказывались в более осторожной форме. Украинский фольклорист, историк и общественный деятель **М. П. Драгоманов** в конце XIX в. предлагал разделить страну на 20 автономных областей по совокупности географических, экономических и этнографических условий. Представительные органы – Государственная Дума и Союзная Дума – отражали бы, соответственно, интересы всего населения страны и ее субъектов. Инструментом преобразования государства стали бы политические общества и объединившая их федерально-демократическая партия. Само построение федерации должно было идти снизу вверх – от уезда к области и далее в общефедеральном масштабе [8, с. 51–60].

Другой инициатор федеративной реформы – поляк **К. Кульчицкий** – известное вдохновение своим планам находил в некритичном восприятии американской федерации. Правда, он не допускал непосредственного, сиюминутного использования американского опыта, а полагал, что спустя некоторое время Россия могла бы перейти к федерации по образцу Германской империи. В отдаленной перспективе по мере развития капитализма и роста различий между отдельными частями государства могла бы возникнуть необходимость в организации федерации по американскому варианту [8, с. 60–62].

Теорией федерализма занимались и другие дореволюционные авторы [9–12].

Первая русская революция 1905–1907 гг., продемонстрировав подданным известное ослабление царизма, вызвала у них активизацию националистических чувств. Уже в Государственной Думе I созыва было представлено 33 депутата от Польского Коло, выражавших преимущественно

интересы наиболее состоятельных слоев населения, а фракция автономистов-представителей национальных окраин, выступавших за автономию своих территорий, насчитывала 70 человек. В Думе II созыва Польское Коло расширило свое присутствие до 46 мандатов, а к национально ориентированным можно отнести мусульманскую фракцию (30 человек) и казачью группу (17 депутатов). В Думе III созыва было 26 депутатов от национальных меньшинств. Были образованы фракции: Польское Коло (11 депутатов) и Мусульманская группа (восемь депутатов). В Думе IV созыва влияние представителей национальных окраин также было незначительным: девять депутатов от Польского Коло, шесть депутатов белорусско-литовско-польской группы [13].

«Итогом работы Думы II, III и IV созывов стали диспуты о правах евреев, самостоятельности поляков и финляндских граждан, населения Кавказа и др.». Императором Николаем II были подписаны в 1910 г. и конкретные акты: Закон о порядке издания нормативных актов общеимперского значения и Закон об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных. В соответствии с ними «было разрешено обучение на национальных языках, а в закавказских землях вводилось местное самоуправление. Однако евреи и все неправославные были лишены избирательных прав, ограничены в возможности пользоваться родным языком при получении образования, почти не имели земельных прав» [14, 15, с. 107].

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., а также последовавшая за этим гражданская война и иностранная интервенция 1918–1921 гг. беспрецедентно ослабили Российское государство, дав повод и возможности для некоторых окраинных территорий (прежде всего Финляндии, Польше, Прибалтике) добиваться государственной самостоятельности. Более того, в хаосе постреволюционного времени советская власть не была готова одномоментно определиться с наилучшей для себя моделью территориальной организации.

«Законодательное регулирование федерации в России, формально провозглашенной в феврале 1918 г. Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа и резолюцией “О федеральных учреждениях Российской Республики”, отличалось недостаточной четкостью определения принципов федеративного устройства. Рабочим и крестьянам каждой нации предоставлялась возможность принять на полномочном советском съезде самостоятельное решение о том, будут ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и других федеральных учреждениях. Но и в Конституции 1918 г. не были закреплены статус и компетенции субъектов федерации, понятие и даже перечень таких субъектов. В сущности сохранялась унитарная основа государства (ст. 8 и пр.), в рамках которой лишь допускалось признание за некоторыми “национальными областными союзами” статуса автономий» [16, с. 407]. К концу гражданской войны практикой был выработан опыт военного союза республик с различной степенью автономии. «…Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика составляла единое ядро, включавшее в себя почти 20 автономных единиц, населенных нерусскими, главным образом мусульманскими народами. Сама РСФСР занимала 92 % территории и включала в себя 70 % населения, которому в конечном счете предстояло войти в СССР. Остальные территории подразделялись по крайней мере на 8 отдельных государств, номинальная независимость которых была действительна в разной степени. Сюда входили:

Украинская и Белорусская Социалистические Советские Республики; Азербайджанская, Армянская и Грузинская Социалистические Советские Республики; Дальневосточная республика со столицей в городе и две советские республики в Средней Азии – Хорезмская и Бухарская» [17, с. 31].

Как известно, **И. В. Сталин,** который долгое время специально занимался проблемами государственного строительства как нарком национальных отношений, в сентябре 1922 г. обратился к В. И. Ленину с письмом, в котором отмечал, что ввиду осложнения отношений между республиками необходимо либо двигаться к дальнейшему их объединению, либо предоставить им полную независимость [18, с. 198, 199].

Однако сталинский проект автономизации вызвал негативную реакцию со стороны В. И. Ленина, который, опираясь на поддержку партийного руководства и партийных масс, стал продвигать идею равноправного федеративного союза республик.

«Борьба двух концепций (ленинской и сталинской) в решении национального вопроса во многом носила тактический характер. Выдвинутый Лениным принцип федерализма был удобен в период неустойчивого состояния Советской власти, поскольку позволял использовать националистические движения для укрепления социальной базы нового режима на местах. Сталинский принцип в большей степени соответствовал марксистской идеологической установке на денационализацию и создание в перспективе унитарного государства» [3, с. 1408].

Было бы неверно связывать периодизацию советского федерализма с конкретными вождями [19, с. 34, 35]. Хотя, с другой стороны, личность очень многое значила в советской истории, оказывая самое непосредственное влияние на весь конституционно-политический строй. Тем не менее причины жесткости модели федерализма при И. В. Сталине следует искать не столько в его исключительно диктаторской натуре и подозрительности, сколько в острой необходимости проведения форсированной индустриализации и коллективизации.

Мы предлагаем несколько иную периодизацию советского федерализма, которая учитывает не какие-то броские личностные ярлыки, а ключевые моменты в развитии СССР (рис. 1). Так, в 1920-е гг. происходила **организационная адаптация молодого советского федеративного союза**. Договором об образовании СССР предусматривалась **децентрализованная федерация,** в которой за субъектами были зарезервированы остаточные полномочия, в то время как за федеральным центром были строго закреплены конкретные предметы ведения. «…к исключительному ведению Союза было отнесено всего пять функций, которые осуществляли общесоюзные наркоматы: по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов (ст. 51). Еще пять центральных наркоматов было отнесено к числу объединенных, которым соответствовали одноименные народные комиссариаты республик, осуществляющие на территории союзных республик их задания: ВСНХ, наркоматы продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции (ст. 52). Остальные наркоматы, в том числе земледелия, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, существовали только на республиканском уровне (ст. 67)» [16, с. 454].

Советско-российская модель федерализма

Рис. 1

Если в 1920-х гг. необходимо было отдать известную дань уважения национальным чувствам вошедших в состав СССР народов и осуществить их первичную хозяйственную консолидацию, то в 1930-е гг. под влиянием внешних и внутренних обстоятельств сталинский мобилизационный режим перешел к политике авторитарной централизации, хотя в этом случае был соблюден должный правовой декорум.

В **Конституции СССР 1936 г.** принципы добровольности объединения и равноправия республик сохранились. Но «перевод на союзный уровень вопросов не только национально-государственного устройства, но и административно-территориальной организации республик усиливал начала бюрократической централизации и ограничивал самостоятельность союзных республик. При этом все важнейшие хозяйственные единицы и функции были под-

чинены союзным министерствам, что все более ослабляло права республик и делало их в экономической сфере полностью зависимыми от центра» [4, с. 92].

В постсталинский период развитого социализма, когда хозяйственная интеграция достигла качественно иного уровня, а социально-культурная интеграция давала основание говорить о новой исторической общности – советском народе, **Конституция СССР 1977 г.** зафиксировала повышенное внимание к национально-государственному устройству. В соответствующий раздел вошли главы о Союзе ССР, союзной республике, автономной республике, автономной области и автономном округе. Казалось бы, достигнутый высочайший уровень интеграции в СССР должен был гарантировать сохранение нашего сложносоставного государства от распада. Однако **идеологический бюрократический федерализм**, ввиду сложной комбинации внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов, не позволил сохранить единство.

Следует признать, что по мере развития СССР в связи с тяжелейшими испытаниями, которые выпали на долю нашей страны, «победила линия на “показной”, “витринный” федерализм, отражаемый в сменявших друг друга конституциях» [20]. **Однако назвать данную конструкцию унитарным государством, как это делает Е. М. Примаков, было неправильно.** Элементы федерализации присутствовали, осуществлялась дифференцированная, патерналистская политика по отношению к национальным территориальным образованиям. «…создавались условия для развития национальных литературы, искусства, кинематографа, театра, образования, здравоохранения. Самым положительным образом сказывалось необходимое для этого тесное общение интеллигенции различных республик. На местах развивалась наука, промышленность» [20].

Российскую модель федерализма стоит рассматривать как продолжение советской модели. Разумеется, в результате распада СССР территория нашего общего государства существенно сократилась (с 22 млн до 17 млн кв. км), из его состава вышли многие народы, геополитическое положение страны ухудшилось, увеличилось число стран-соседей (с 8 до 16). Однако основы федеративных связей сохранились. Просто наступил новый этап их развития. Первоначально он проявил себя в «**параде суверенитетов**» 1990-х гг., демонстрировавшем нестабильность федеративной государственности, которая находит выражение в стремлении целого ряда субъектов Российской Федерации к автономизации, образованию конфедеративного государства.

Затем наступило время заключения договоров, которые, откровенно говоря, вторгались в сферу федерального регулирования. Было заключено 42 договора о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, что, однако, не укрепило российский федерализм.

На смену параду договоров в начале нового тысячелетия пришел этап укрепления властной вертикали.

Современная модель российского федерализма неидеальна, и ее критикуют с противоположных позиций – как целесообразности децентрализации, так и желательности консолидации. Популярна и идея укрупнения регионов. Так, по мнению Н. М. Добрынина, оптимальным будет 40–50 субъектов РФ [21, с. 24, 25].

Однако этот курс должен быть чрезвычайно продуманным и взвешенным. Здесь недопустим механистический рационализм.

Дискуссионной является проблема модели федерализма, которая была бы наиболее востребованной в современных политических реалиях России. В настоящее время конкурентными выступают три модели функционирования федеративной государственности:

– модель кооперативного федерализма;

– модель дуалистического («параллельного») федерализма;

– модель «унитарного» федерализма.

Первая модель предусматривает разграничение компетенции и предметов ведения между федеральным центром и регионами следующим образом:

– исключительная компетенция Федерации (ст. 71 Конституции РФ);

– вопросы совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ);

– исключительная компетенция субъектов РФ (ст. 73 Конституции РФ).

В отличие от данной модели, модель дуалистического федерализма предусматривает деление компетенции на два типа, каждый из которых обладает принципом исключительности. Указанная модель предполагает наличие исключительной компетенции федерации и исключительной компетенции субъекта федерации. Стабильности государства данная модель не гарантирует, так как субъекты федерации ликвидацию вопросов совместного ведения рассматривают как показатель их автономизации.

Дуалистический федерализм во многих странах применялся на начальных этапах федеративного строительства [22], и возврат к нему означал бы поворот к конфедеративному государству.

Модель «унитарного» федерализма предполагает, что государство выбирает в качестве вектора движения курс на централизацию всех государственных институтов. Кто-то может заметить, что данная модель является своего рода аналогом регионалистского государства, но это поверхностное суждение. Просто следует исходить из множественности моделей федерализма, которые могут быть различной степени централизации и децентрализации, типологически все оставаясь федеративными.

Однако высказываются и иные позиции. К. Н. Княгинин, который видит основную проблему для России в разном статусе территорий и разном уровне их развития, считает ее решением не унитаризацию государства с созданием автономий для части субъектов, а именно республик, но переход к имперской форме устройства.

Для него «исторически империи возникали в итоге объединения в некое политическое целое территорий, отличающихся национальным составом, языком, культурой, обычаями, традициями, религией, хозяйственным укладом, уровнем развития и т.д. Ядро, вокруг которого начиналось и происходило объединение, образовывало метрополию (коренную часть) империи, остальная территория представляла собой периферию (колонизированную часть или, что бывает чаще, колонизированные части). Центральная власть вынуждена осуществлять управление метрополией и периферией в разных государственно-правовых режимах. Поскольку колонизированные территории могли отличаться друг от друга значительно даже, чем каждая из них по

отдельности, от метрополии, разные правовые режимы необходимо было устанавливать для разных колоний» [23, с. 34].

Правда, реально «сконструировать и оформить государственное устройство по имперской модели сегодня едва ли удастся. Да и фрагментарное открытое внедрение основополагающих для империи механизмов в государственное устройство возможно только в пределах, которые не будут резко диссонировать с принципами провозглашенного федерализма» [23, с. 36].

В этой ситуации, по нашему мнению, все усилия следует сосредоточить на духовной сфере, поддерживая в сознании наших граждан чувство «имперскости». Вспомним, какой удачной для Германии в последней трети XIX в. оказалась формула имперской централизации и как она в конечном счете сплотила немцев. Даже Ноябрьская революция 1918 г., сменив монархическую форму правления на республиканскую, не смогла разрушить Германию как федерацию (хотя теоретически подобная опасность могла возникнуть). Российская империя (1721–1917), несмотря на понесенные территориальные потери, сумела трансформироваться в СССР – **советскую имперскую федерацию**. Этим имперским наследием следует гордиться и современной России, приумножая его славу и укрепляя стабильность.

Библиографический список

1. **Семевский, В. И.** Общественные и политические идеи декабристов / В. И. Семевский. – СПб., 1909.
2. **Вернадский, Г. В.** Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк / Г. В. Вернадский. – Прага, 1925.
3. История России с древнейших времен до наших дней / А. Н. Боханов, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин, А. Н. Сахаров, В. А. Шестаков ; под ред. А. Н. Сахарова. – М., 2016.
4. Генезис федеративных отношений в современной России : моногр. – М., 2011.
5. **Ерошкин, Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1983.
6. **Зайцев, В. М.** Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / В. М. Зайцев. – М., 1973.
7. **Павленко, О. В.** Панславизм и его модели / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. – 2016. – № 5.
8. **Шульженко, Ю. Л.** Из истории федерации в России (монархический период) / Ю. Л. Шульженко. – М., 2005.
9. **Горенберг, М. Б.** Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии / М. Б. Горенберг. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1891.
10. **Жилин, А. А.** Теория союзного государства. Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции / А. А. Жилин. – Киев, 1912.
11. **Корф, С. А.** Федерализм / С. А. Корф. – Огни, 1917.
12. **Ященко, А. С.** Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А. С. Ященко. – Юрьев, 1912.
13. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/
14. **Уздимаева, Н. И.** Российская национальная политика: прошлое и современность (до Великой Отечественной войны) : докл. / Н. И. Уздимаева. – URL: http://ep.mrsu.ru/journal/5/uzdimaeva.html
15. **Малько, А. В.** Национальная правовая политика в современной России (обзор материалов круглого стола) / А. В. Малько, Ю. Н. Сушкова // Государство и право. – 2016. – № 8. – С. 105–110.

16. **Лаптева, Л. Е.** История отечественного государства и права : учеб. для бакалавров / Л. Е. Лаптева, В. В. Медведев, М. Ю. Пахалов ; отв. ред. Л. Е. Лаптева. – М., 2013.
17. **Карр, Э.** Из истории Советской России. Книга 1. Большевистская революция 1917–1923 / Э. Карр. – М., 1990. – Т. 1.
18. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9.
19. **Гайдук, В. В.** Институт федерализма: политико-правовое исследование : автореф. дис. … д-ра полит. наук / Гайдук В. В. – М., 2008.
20. **Примаков, Е. М.** Встречи на перекрестках / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 607 с.
21. **Добрынин, Н. М.** Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства РФ : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Добрынин Н. М. – Тюмень, 2004.
22. **Гуляков, А. Д.** Американская модель федерализма: становление и основные этапы развития / А. Д. Гуляков // История государства и права. – 2016. – № 17.
23. **Княгинин, К. Н.** Империя против федерации, или Проблемы эволюции государственно-территориального устройства России (часть 2) / К. Н. Княгинин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12.

References

1. Semevskiy V. I. *Obshchestvennye i politicheskie idei dekabristov* [Public and political idead of Decembrists]. Saint-Petersburg, 1909.
2. Vernadskiy G. V. *Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiyskoy imperii 1820 goda: istoriko-yuridicheskiy ocherk* [State statutory charter of the Russian Empire of 1820: a historical and legal essay]. Praga, 1925.
3. Bokhanov A. N., Morozova L. E., Rakhmatullin M. A., Sakharov A. N., Shestakov V. A. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Russia from ancient till modern times]. Moscow, 2016.
4. *Genezis federativnykh otnosheniy v sovremennoy Rossii: monogr.* [Genesis of federative relations in modern Russia: monograph]. Moscow, 2011.
5. Eroshkin N. P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1983.
6. Zaytsev V. M. *Sotsial'no-soslovnyy sostav uchastnikov vosstaniya 1863 g. (Opyt statisticheskogo analiza)* [The social-class composition of participants of the revolt of 1863]. Moscow, 1973.
7. Pavlenko O. V. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and contemporary history]. 2016, no. 5.
8. Shul'zhenko Yu. L. *Iz istorii federatsii v Rossii (monarkhicheskiy period)* [From the federation history of Russia (the monarchic period)]. Moscow, 2005.
9. Gorenberg M. B. *Teoriya soyuznogo gosudarstva v trudakh sovremennykh publitsistov Germanii* [The theory of federal state in works by modern German publicists]. Saint-Petersburg: Tip. N. A. Lebedeva, 1891.
10. Zhilin A. A. *Teoriya soyuznogo gosudarstva. Razbor glavneyshikh napravleniy v uchenii o soyuznom gosudarstve i opyt postroeniya ego yuridicheskoy konstruktsii* [The theory of federal state. An analysis of major trends in the study of federal state and the experience of building its legal structure]. Kiev, 1912.
11. Korf S. A. *Federalizm* [Federalism]. Ogni, 1917.
12. Yashchenko A. S. *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* [The theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and state]. Yurev, 1912.
13. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/
14. Uzdimaeva N. I. *Rossiyskaya natsional'naya politika: proshloe i sovremennost' (do Velikoy Otechestvennoy voyny): dokl.* [Russian national policy: the past and present

(before the Great Patriotic War): report]. Available at: URL: http://ep.mrsu.ru/journal/5/uzdimaeva.html
15. Mal'ko A. V., Sushkova Yu. N. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2016, no. 8, pp. 105–110.
16. Lapteva L. E., Medvedev V. V., Pakhalov M. Yu. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: ucheb. dlya bakalavrov* [Russian state and law history: textbook for bachelors]. Moscow, 2013.
17. Karr E. *Iz istorii Sovetskoy Rossii. Kniga 1. Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923* [From the history of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevist revolution 1917–1923]. Moscow, 1990, vol. 1.
18. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of CC CPSU]. 1989, no. 9.
19. Gayduk V. V. *Institut federalizma: politiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. d-ra polit. nauk* [The institution of federalism: a political and legal stady: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of political sciences]. Moscow, 2008.
20. Primakov E. M. *Vstrechi na perekrestkakh* [Meetings at intersections]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015, 607 p.
21. Dobrynin N. M. *Novyy federalizm: kontseptual'naya model' gosudarstvennogo ustroystva RF: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [New federalism: a conceptual model of state organization of the Russian Federation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Tyumen, 2004.
22. Gulyakov A. D. *Istoriya gosudarstva i prava* [State and law history]. 2016, no. 17.
23. Knyaginin K. N. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2015, no. 12.

Гуляков Александр Дмитриевич
кандидат юридических наук, доцент, ректор Пензенского государственного университета (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Comp_federalism@yandex.ru

Gulyakov Alexander Dmitrievich
Candidate of juridical sciences, associate professor, Rector of Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.1

Гуляков, А. Д.

Генезис российской модели федерализма / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 5–16. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-1